

Цзю Шэн был легендой. Человеком, ставшим символом целой балетной эпохи.

Занимаясь балетом с раннего детства, он обладал редким, абсолютным даром. Он стал первым китайским танцовщиком, чьё лицо украсило обложку Журнала Time. Авторитетное издание, известное своей беспощадной критичностью, восторженно окрестило его «Розой эпохи» и «Эльфом на сцене». Его триумф на балетных подмостках ни в чём не уступал достижениям величайших прим.

Но теперь этот блистательный, самый прославленный танцовщик балетного мира сидел на холодном полу, а из его изрезанных запястий толчками струилась тёплая кровь.

Тело было чужим. Цзю Шэн переродился.

Чужие воспоминания хлынули в его сознание бурным, неудержимым потоком.

Прежнего владельца тела тоже звали Цзю Шэн. Мальчишке едва исполнилось тринадцать лет, но, в отличие от великого танцовщика, он вырос в совершенно ином мире — в семье потомственных фигуристов. Родители, родственники, друзья — вся его жизнь с пелёнок была неразрывно связана со льдом.

Отец, Цзю Вэньсан, был заслуженным тренером государственного класса. За годы работы он воспитал немало Мастеров спорта государственного класса и спортсменов первого государственного разряда, заслужив в мире фигурного катания непререкаемый авторитет.

Мать, профессиональная балерина, занималась постановкой программ и хореографией. Но куда больше внимания Цзю Шэна привлекла другая фигура из воспоминаний мальчика — его брат, Цзю Ли. Не просто старший брат, а разнояйцевый близнец. Несмотря на это биологическое различие, внешне они были похожи как две капли воды.

Рождённые в спортивной династии, они росли бок о бок, и лёд должен был стать их общей судьбой.

Ещё в двухлетнем возрасте Цзю Ли проявил поразительный талант. Впервые примерив коньки, он сразу же уверенно и плавно заскользил по льду, повергнув отца в глубокое изумление. С тех пор спортивная карьера близнеца развивалась стремительно, словно по волшебству: он сокрушал соперников одного за другим, уверенно забирая все золотые медали на юношеских турнирах.

На фоне блистательного брата Цзю Шэн казался жалким недоразумением. Лёд не покорялся ему. Сколько бы он ни тренировался, толку не было: мальчик умудрялся падать, даже делая обычные шаги на коньках. Родственники и знакомые в открытую презирали его, называя никчёмной бездарностью и тыча пальцами за его спиной.

Но мало кто знал, что на самом деле мальчик вовсе не был безнадёжен. Техника его скольжения и прыжков была не хуже, чем у сверстников. Проблема крылась в глубокой психологической травме — паническом страхе публики. Стоило Цзю Шэну оказаться на глазах у толпы, как горло сдавливал спазм, а лёгкие отказывались дышать.

Однако близкие даже не пытались разглядеть его душевную рану. Когда он, запинаясь от страха, пробовал рассказать о своей панике, его слова поднимали на смех или просто отмахивались от них. Клеймо «бездаря» прилипло к нему намертво, став поводом для жестоких семейных насмешек.

Цзю Шэн поморщился и потёр ноющие виски.

В школе дела обстояли ничуть не лучше. Он учился в элитной средней школе города В. Это было лучшее учебное заведение города, куда принимали лишь лучших из лучших — тех, кто входил в первую пятисотню по результатам экзаменов.

Травля дома и вечный страх превратили Цзю Шэна в забитого, робкого зверька. Разумеется, его успеваемость оставляла желать лучшего, а престижное место в классе родители попросту купили, щедро спонсировав школу. Его брат, Цзю Ли, напротив, попал туда как гордость школы — его зачислили по особой спортивной квоте.

Молодой перспективный фигурист уже успел заработать имя в спортивных кругах города В, и руководство школы буквально вцепилось в него ради престижа и будущих наград.

Цзю Шэн же шёл в комплекте — как блёклая тень, бессловесный компаньон для звёздного брата. Это лишь умножало его страдания. В школьных коридорах он оставался в тени триумфа Цзю Ли. При одинаково безупречных лицах и схожем телосложении брат подавлял его во всём, превращая жизнь Цзю Шэна в непрекращающийся кошмар, где сам он чувствовал себя грязью под ногами близнеца.

Жестокие подростки быстро почуяли слабость. Начались издевательства, венцом которых стала изощрённая подлость: одноклассники изрезали его коньки — единственную вещь, которой он по-настоящему дорожил.

Профессиональная экипировка стоила дорого — цена за хорошие коньки исчислялась тысячами, а то и десятками тысяч юаней. Семья Цзю не бедствовала, но карманных денег мальчику почти не выделяли, ведь вся родительская любовь и забота доставались любимцу Цзю Ли. На ту злосчастную пару Цзю Шэн копил долгие месяцы, во многом себе отказывая. И теперь, глядя на изуродованную кожу ботинок, он понимал, что нужно искать замену.

Вот только купить их он не успел. Отчаяние перевесило страх, и мальчик решился на отчаянный шаг, полоснув лезвием по запястьям.

Цзю Шэн снова вздохнул, укладывая в голове подробности этой горькой жизни. Поднявшись с

пола, он направился в ближайшую больницу, где дежурный врач наложил швы и наложил аккуратные повязки на глубокие порезы.

Выйдя на залитую солнцем улицу, он сам не заметил, как ноги привели его к специализированному магазину для фигуристов.

В прошлой жизни балетная пластика Цзю Шэна завораживала миллионы. Фигурное катание во многом роднилось с его искусством — та же эстетика линий, та же пластика и безупречное чувство баланса. К нему не раз обращались титулованные фигуристы с просьбой помочь в постановке хореографии, так что в тонкостях этого спорта он разбирался прекрасно.

Он ещё не решил, стоит ли возвращаться к классическому станку или попробовать себя на ледовой арене, но мысль о покупке коньков показалась ему заманчивой. Почему бы и нет? Это могло стать интересным опытом.

Неспешно прохаживаясь между рядами, он оценивал ассортимент. Сбережений у покойного мальчишки осталось немного. После долгих поисков Цзю Шэн остановил выбор на паре поддержанных, но на удивление крепких ботинок, которые идеально сели по ноге.

Спрятав покупку в сумку, он заглянул в крошечную забегаловку неподалёку и заказал огромную порцию лапши с говядиной, щедро добавив туда жареное яйцо.

Диета профессионального танцовщика столь же сурова, как и рацион фигуриста. Стремясь сохранить безупречную сухопарость и лёгкость, Цзю Шэн годами не позволял себе сытной еды. Прежний владелец этого тела тоже изнурял себя голодом ради иллюзии невесомости на льду.

Расправясь с горячим бульоном, он удовлетворённо вытер губы и, подхватив коробку с коньками, направился к катку — пришло время опробовать обновку.

Цзю Шэн всегда обожал вызовы. Прошлая жизнь без остатка сгорела в пламени балета, но теперь в его груди разгорался иной, неизведанный азарт.

Предвкушение бешеной скорости и скольжения по лезвию ножа будоражило кровь. В его глазах вспыхнул опасный, почти безумный огонёк истинного фанатика.

Однако у самого входа в тренировочный центр его ждала неприятная встреча — на пороге стояли трое знакомых парней.

Цзян Сюгуан первым заметил его и с глумливой ухмылкой двинулся навстречу.

— Ого, кого я вижу! Сам Цзю Шэн пожаловал! Какими судьбами на катке? Неужто тренироваться вздумал?

Этот парень приходился ему дальним родственником и учился с ним в одном классе. Именно он был заводилой в школьной травле. При воспоминании об этом взгляд Цзю Шэна обдал собеседника ледяным презрением.

— Что, язык проглотил? — Цзян Сюгуан перевёл взгляд на коробку в руках Цзю Шэна, и его голос так и сочился ядом. — А ты, я смотрю, парень при деньгах. Быстро же новые коньки раздобыл. Всё никак не успокоишься? Реально возомнил себя ровней своему гениальному братцу Цзю Ли? На себя-то в зеркало глянь. Родились в один день, лица одинаковые, а на льду — один бог, а другой ничтожество. Как так вышло-то, а?

Наглец бесцеремонно уставился на лицо кузена. Цзю Шэн отличался от брата: его отросшие волосы мягкими прядями обрамляли лицо, придавая чертам неуловимое, почти женственное изящество. Раньше мальчишка вечно ходил сгорбившись, пряча взгляд, так что Цзян Сюгуан впервые разглядел его по-настоящему.

Лица близнецов были безупречны, но если раньше Цзян Сюгуану казался привлекательнее Цзю Ли, то теперь, стоя нос к носу с Цзю Шэном, он опешил. В этом лице сквозила иная, завораживающая и опасная красота, напоминающая обманчивый грим японских театральных актёров. Но пугало не это. В осанке и жестах юноши появилась необъяснимая, властная дерзость — первобытная сила, способная подчинять чужую волю.

Появись сейчас здесь Цзю Ли, он поблёл бы рядом с братом, как дешёвая фальшивка. Цзян Сюгуан тряхнул головой, отгоняя это наваждение. Что за чушь лезет в голову?

— Жаль только, — опомнившись, процедил он, — что такая смазливая морда досталась полному ничтожеству.

Но вместо привычных слёз или робкого молчания Цзю Шэн лишь лениво усмехнулся:

— Раз уж я такое ничтожество, почему бы тебе своими глазами не посмотреть, как я выйду на лёд?

Цзян Сюгуан опешил, не веря собственным ушам:

— Что ты вякнул?

— Брат Цзян, — шёпотом пихнул его в бок один из дружков, — это Цзю Шэн говорит.

Только теперь хулиган заметил, что парень уже переобулся в коньки и небрежно сбросил пластиковые чехлы с сияющих лезвий.

Цзю Шэн резким движением откинул назад влажные отросшие пряди. Капля пота скользнула по его острому подбородку. Смерив Цзян Сюгуана пренебрежительным взглядом, он повторил:

— Говорю, разуй глаза шире и смотри, на что способна «бездарность».

Цзян Сюгуан издал короткий, хриплый смешок:

— Ты издеваешься? Хватит клоунады. Мы все прекрасно знаем, как ты катаешься. Зачем лишний раз позориться?

— Кто знает, — оскалился Цзю Шэн.

Он легко поднялся на ноги и сделал несколько уверенных шагов по резиновому покрытию.

Тело послушно откликнулось на мышечную память прежнего владельца, а несгибаемая воля балетмейстера довершила дело. Спустя пару секунд он двигался на коньках абсолютно естественно и плавно. В его глазах вспыхнул такой яростный, голодный азарт, что Цзян Сюгуан невольно отшатнулся.

В прошлой жизни на сцене Цзю Шэн был божеством, излучающим чистый свет. Вне подмостков он оставался гордым, строптивым и безудержным бунтарём. И сейчас ему не было дела до жалких шавок у бортика.

Его ждал лёд.

<http://bllate.org/book/20292/2105746>